



[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]



Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 451—467. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-451-467.

Makhrachev, G. S. (2025). Economic Activities of Craft Cooperatives in Tambov Province from 1921 to 1924. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 451-467. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-451-467. (In Russ.).



Web of Science™



DOAJ



РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах

Махрачев Георгий Сергеевич

orcid.org/0000-0002-8279-243X

Scopus Author ID: 58164619600

Scopus Author ID: 58164323300

WoS ResearcherID: IZE-0621-2023

кандидат исторических наук,

старший преподаватель

кафедры истории

и философии

mahrachova@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке гранта
Тамбовского государственного
университета имени Г. Р. Державина
для поддержки научных коллективов,
Приказ № 490/1 от 02.09.2024 г.

Economic Activities of Craft Cooperatives in Tambov Province from 1921 to 1924

Georgiy S. Makhrachev

orcid.org/0000-0002-8279-243X

Scopus Author ID: 58164619600

Scopus Author ID: 58164323300

WoS ResearcherID: IZE-0621-2023

PhD in History, Senior Lecturer

Department of History

and Philosophy

mahrachova@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with financial support from the grant
of Derzhavin Tambov State University
to support scientific teams,
Order № 490/1 dated September 2, 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению региональной специфики организации хозяйственной деятельности промысловых кооперативов и их союзов. Рассматриваемый временной промежуток соответствует начальному этапу возрождения промысловой кооперации в годы нэпа. Были выявлены особенности работы объединенных кустарей к моменту окончания периода военного коммунизма. Далее было проанализировано состояние функционировавших в 1921—1922 годы. уездных и губернских специальных союзов. Было установлено множество факторов, тормозивших становление кооперативной системы: слабая финансовая база образовавшихся союзов, их рыхлая структура, нехватка грамотных специалистов, неумение работать в рыночных условиях, организационные ошибки членов правления. Отдельно был рассмотрен временной промежуток 1923—1924 годов. В это время произошел острый кризис кооперативного строительства. Автор приходит к выводу о том, что в основе его лежали объективные (изменение территориальных границ губернии и общегосударственный экономический кризис 1923 года) и субъективные (многочисленные просчеты местного кооперативного руководства) факторы. Доказано, что в результате этого процесса единственный оставшийся в губернии к этому моменту районный союз кустарно-промысловой кооперации был упразднен, а в смешанных союзах промысловые кооперативы практически исчезли. Подчеркивается, что вместе с тем прекратили свое существование множество лежкооперативов.

Ключевые слова:

нэп; промысловая кооперация; кустарно-промысловый союз; кустарь; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the regional specifics of organizing economic activities among craft cooperatives and their unions during the early stages of the revival of craft cooperation in the NEP era. The timeframe under consideration corresponds to the initial phase following the end of War Communism. The study identifies distinctive features of the operations of consolidated artisans by the conclusion of this period. Furthermore, it analyzes the status of district and provincial special unions that were active from 1921 to 1922. Several factors hindering the establishment of a cooperative system were identified, including a weak financial foundation for the newly formed unions, their loose organizational structure, a shortage of skilled professionals, an inability to operate under market conditions, and organizational missteps by board members. A separate analysis is devoted to the period of 1923 to 1924, during which a severe crisis in cooperative development occurred. The author concludes that this crisis stemmed from both objective factors (such as changes in the territorial boundaries of the province and the nationwide economic crisis of 1923) and subjective factors (including numerous miscalculations by local cooperative leadership). It is demonstrated that as a result of this process, the only remaining district union of craft cooperation in the province was dissolved, and craft cooperatives virtually disappeared from mixed unions. The article emphasizes that many fraudulent cooperatives also ceased to exist during this time.

Key words:

NEP; craft cooperation; artisan cooperative; artisan; Tambov Province.



Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах

© Махрачев Г. С., 2025

1. Введение = Introduction

Эпоха нэпа является уникальным периодом отечественной истории. Пришедшее к власти на волне революционного подъема советское правительство первые годы своего существования находилось на военном положении. К началу 1920-х годов лидеры белого движения были разгромлены, но начало расти недовольство в среде крестьянских масс. Усиливавшийся социальный кризис вынудил советское руководство принять решение о смягчении радикальности экономических реформ и частичном восстановлении рыночных отношений. Способы адаптации к послевоенной действительности как государственной власти, так и хозяйствующих субъектов выступают актуальной темой для исследований, поскольку уже в скором времени будут отражать потребности российского общества. В данной статье рассматривается специфика производственной деятельности промысловых кооперативов и их союзов в условиях демилитаризации экономики.

Для советских историков характерен низкий интерес к проблемам развития промысловой кооперации в годы нэпа. Авторы немногих вышедших в свет исследований излишне оптимистично оценивали положение объединившихся для совместной работы кустарей, отражали только положительные результаты государственной политики по поддержке мастеров, старались представить общегосударственную картину, оставляя за скобками региональную специализацию.

Б. Р. Фромметт подчеркивал взаимовыгодную связь между всеми звеньями кооперативной системы [Фромметт, 1927, с. 39]. Примеры положительного влияния социалистических соревнований на модернизацию кустарного производства рассмотрел В. А. Тихомиров. Он отметил рост числа промысловых объединений и их организационную прочность [Тихомиров, 1929, с. 11—12]. П. И. Василевский и Е. И. Шлифтейн изучили географию кустарной деятельности, динамику кооперирования мастеров, объемы производившейся продукции. Авторы придерживались мнения, что в промысловых кооперативах происходила механизация труда и доходы

мастеров повышались [Василевский и др., 1930, с. 54, 280]. П. И. Яковлев также отметил, что «советское государство оказывало им всевозможную помощь кредитом, сырьем, кадрами» [Яковлев, 1957, с. 19]. А. И. Бузлаева указывала, что «главная задача кооперации состояла в подготовке перехода мелких товаропроизводителей к социализму» [Бузлаева, 1969, с. 58]. Именно поэтому советская власть обеспечивала ее постоянными заказами, предоставляла налоговые послабления, организовывала целенаправленное кредитование и снабжала сырьем [Там же, с. 60, 63—65]. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов видели в промысловой кооперации опору советской власти в борьбе с частным капиталом [Архипов и др., 1978, с. 50].

Перестроечная эпоха кардинально повлияла на взгляды историков. Ученые стали резко негативно оценивать политику советской власти, делая акцент на ограничениях в деятельности объединившихся мастеров. Так, И. А. Козлов отмечал, что «курс на поощрение кустарно-ремесленной кооперации вел к всё большей потере ею своей хозяйственной самостоятельности» [Козлов, 1990, с. 82]. О. Н. Елютин писал, что после перехода к нэпу судьба кооперации «зависела от того, как сильно натягивался государственный регулирующий поводок» [Елютин, 1998, с. 45]. Схожую позицию занял Л. Е. Файн [Файн, 1994, с. 179—180].

Отдельно отметим работы А. А. Николаева. В своей опубликованной в 1988 году монографии ученый подробно остановился на исследовании специфики сибирского кооперативного опыта, отметив, что промысловые объединения, привыкшие существовать в условиях военного времени, оказались не готовы к новым реалиям [Николаев, 1988, с. 65]. В дальнейшем Николаев рассматривал уже общегосударственный уровень, вновь отметив, что взлет числа кустарных объединений в 1921 году был обусловлен их лжекооперативным уклоном, а сами мастера при этом испытывали серьезные производственные проблемы [Николаев, 2007, с. 129—130].

В 2005 году была опубликована крупная работа В. Г. Егорова, в которой автор попытался выявить место кустарей в системе развивавшихся капиталистических отношений и определить возможности трансформации мелкотоварного производства в кооперативное. 1921—1923 годы автором характеризовались как «демократические», когда кооперация развивалась в соответствии с рыночной конъюнктурой, вследствие чего происходило отмирание изначально нежизнеспособных объединений [Егоров, 2005, с. 259].

Для последних 20 лет характерен рост числа региональных исследований. Так, О. В. Ягов подробно рассмотрел эволюцию промысловой кооперации Поволжья, отметив ее экономический упадок в 1921—1923 годах, что было связано с голодом, снятием с госснабжения и финансовой слабостью [Ягов, 2008, с. 158]. Важно и то, что автор отметил тотальную ориен-

тацию кооперативов не на производственную, а на торговую деятельность [Там же, с. 157]. А. Ю. Давыдов изучил петроградско-ленинградский кооперативный опыт, заметив, что кризисные явления в первые годы нэпа были связаны с управленческими ошибками членов правления [Давыдов, 2011, с. 45]. Можно также отметить статьи Е. В. Бородулиной, О. Г. Вязовой, А. А. Панарина, опубликованные в периодических научных изданиях [Бородулина, 2018; Вязова, 2006; Панарин, 2021].

Таким образом, выводы многих историков были обусловлены не объективными данными, а веяниями политических тенденций. В связи с этим остается актуальным вопрос о причинах, приведших к кризису кооперативного сектора в начале нэпа. Были ли они в большей степени обусловлены общегосударственным хозяйственным упадком или субъективными ошибками, вина за которые лежала на партийных руководителях или членах правлений? Недостаточно подробно рассмотрена хозяйственная деятельность промысловых объединений. Так, многие исследователи указывали, что «ножницы цен» 1923 года негативно отразились на кооперации, однако конкретизация оставалась за скобками. Наблюдается явная нехватка региональных исследований.

В одной из своих предыдущих работ автор затрагивал вопросы хозяйственной деятельности промысловых кооперативов [Махрачев, 2024]. Однако основное внимание было уделено выявлению этапов построения промысловых союзов. В данной статье будет предпринята попытка изучить специфику их хозяйственной деятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток с 1921 по 1924 годы. В историографии нет единого подхода к периодизации развития промысловой кооперации в годы нэпа. Нижняя граница первого этапа, очевидно, связана с решениями X съезда РКП(б). Верхнюю границу историки определяют по-разному: 1923 или 1925 год. В первом случае имеется в виду сбытовой кризис, значительно скорректировавший представления советской власти о дальнейшем развитии экономики. Во втором случае — окончательное восстановление промысловой кооперации [Егоров, 2005, с. 224]. На наш взгляд, следует учесть региональную специфику и ограничить верхнюю временную границу исследования 1924 годом. Именно тогда произошло окончательное складывание административно-территориального деления Тамбовской губернии, а также окончательно исчезли специализированные кустарно-промысловые союзы.

В рамках работы использовались протоколы заседаний уездных и губернских партийных комитетов по вопросам развития кооперации, прилагавшиеся к ним доклады и отчеты. Эти документы хранятся в государ-

ственном архиве социально-политической истории Тамбовской области. В фондах государственного архива Тамбовской области были изучены доклады, предоставлявшиеся для местных советов народного хозяйства. К исследованию также привлекались опубликованная делопроизводственная документация и периодические издания.

Оборачиваясь на исследовательский опыт предшествующих поколений историков, мы были особенно внимательны при реализации принципа объективности, отразившегося в оценках событий и явлений периода нэпа. В качестве методологической основы использовался также принцип историзма. Было прослежено влияние изменявшихся экономических реалий на специфику организации производственного процесса мелких товаропроизводителей, трудившихся в кооперации. При этом учтена инерциальность самих мастеров, привыкших работать в мобилизационном ритме и не желавших перестраиваться под новые условия. Историко-генетический метод позволил выявить ключевые этапы адаптации промысловой кооперации к послевоенному времени. На основе историко-сравнительного метода были сопоставлены особенности организации хозяйственной деятельности в среде объединившихся кустарей в 1921 и 1924 годах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Промысловая кооперация на пути к нэпу

Развернувшаяся на рубеже 1910—1920-х годов гражданская война потребовала от молодого советского правительства мобилизации всех имевшихся ресурсов. Победа была обусловлена не только солдатской храбростью и полководческими талантами военачальников, но также тотальным напряжением производственных сил, которые закрывали потребности армии в вооружении, обмундировании, топливе и провизии. При этом важно понимать, что крупная промышленность, которая должна была удовлетворять эти потребности, оказалась в глубоком кризисе, а потому к выполнению военных заказов пришлось привлекать мелких товаропроизводителей. Так, в 1920 году был учрежден специальный орган — чрезвычайная комиссия по производству и распределению валенок и лаптей, которая должна была мобилизовать кустарей для изготовления армейской обуви [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 148]. Кроме того, советское правительство взяло курс на создание массовой сети промысловых объединений. Для большего контроля над деятельностью кустарей промысловая кооперация в 1920 году была переведена в подчинение потребительской.

С одной стороны, тотальная мобилизация кустарного производства позволила выжить многим мастерам в тяжелые военные годы. Государство предоставляло им заказы, сырье, пайки, налоговые послабления и возмож-

ность уклониться от службы в армии. Именно благодаря адаптации под военные запросы получило свое развитие Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков, которое легло в основу образовавшегося 23 ноября 1920 года Рассказовского районного производственного союза кооперативов. Организованное в 1917 году из 17 человек [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 66], к концу 1920 года товарищество насчитывало около 3 500 членов, исключительно женщин. Мастерицы изготавливали различные шерстяные изделия: платки, шарфы, перчатки, чулки, шапки, фуфайки и т. д. [Там же, д. 1610, л. 69].

С другой стороны, политика по кооперированию кустарей сопровождалась явными ошибками и перегибами. К началу нэпа самостоятельная успешная деятельность рассказовского союза была скорее единичным явлением. В остальных случаях объединения промысловых кооперативов функционировали в качестве автономных секций при потребительских союзах. Здесь мастера практически теряли производственную самостоятельность и должны были работать исключительно на государственные нужды, получая фиксированную плату за выполнение заранее установленной ежедневной нормы [Отчет ..., 1921, с. 14].

К тому же наличие госзаказов само по себе не означало обязательную занятость кустарей. В источниках можно найти множество упоминаний о проблемах с выделением необходимого для работы мастеров уездных кустарно-промысловых секций (укустпромсекций) сырья, что вело к срыву производственных работ. В Усманской укустпромсекции в начале 1921 года были зафиксированы задержки в поставках шерсти и купоросного масла для валяльщиков. Кроме того, оказалось, что из 3 423 кг шерсти, предоставленной по итогу многочисленных запросов, 983 кг являлось браком [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2268, л. 8]. Специальная комиссия, принимавшая 22 марта 1921 года шерсть от Липецкого уездного союза для нужд местной укустпромсекции, отметила, что все 8 742 кг выделенного сырья были непригодными для выделки [Там же, л. 21]. Также члены Липецкой укустпромсекции были вынуждены сталкиваться с многочисленной бюрократической волокитой при оформлении требований на сырье [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2257, л. 3].

Но было бы ошибкой связывать тяжелые условия, в которых оказались многие кооперированные кустари к началу нэпа, исключительно с политикой советских властей. В стремлении избежать военной службы крестьяне организовывали промысловые кооперативы, получившие название «дезертирские артели». Существовая формально, эти объединения халатно относились к выполнению госзаказов и своим примером негативно влияли на остальных мастеров. Встречались и такие случаи, когда промысловые кооперативы хоть и числились таковыми, но на практике действовали по

образу капиталистических предприятий. Руководство обозначенных объединений получало от государства всевозможные льготы, а мастеров использовало как наемных рабочих. И даже в объединениях, которые внешне соответствовали всем требованиям советской власти и в которых мастера стремились качественно выполнять свою работу, при ближайшем рассмотрении был замечен низкий организационный уровень. Отмечалась неуплата вступительных и паевых взносов, редкость общих собраний членов кооператива, низкий уровень делопроизводственной документации, слабая связь с союзами [Покровский, 1922, с. 24].

3.2. Самостоятельная деятельность промысловой кооперации

После перехода к нэпу началось обособление кустарной кооперации от влияния потребительской. 1 августа 1921 года был образован Тамбовский губернский союз кустарно-промысловой кооперации (губкустпромсоюз), охватывавший 12 уездных и 1 районный союзы. Первое время своего существования новые союзы испытывали заметные затруднения в своей деятельности. Во-первых, они базировались на слабой хозяйственной базе бывших кустарно-промысловых секций. Во-вторых, постепенно заканчивалась гражданская война, государство все меньше привлекало кустарей к выполнению военных заказов, экономика переходила на капиталистические начала, а потому и промысловым кооперативам необходимо было быстро перестраиваться под новые реалии.

В условиях, когда «своих средств не хватало даже на оплату аппарата» [Е., 1923, с. 23], первоочередной задачей образовавшихся союзов стал поиск средств к существованию. Поначалу им удалось добиться лишь предоставления мелких кредитов на срок в 2—3 месяца. Для организации качественного производства этот временной промежуток был мал. К тому же кредиторы постоянно меняли условия сделок. А потому союзы частично переориентировались на торговую деятельность: закупка товаров по возможно более низким ценам с целью сбыть их максимально дорого [Покровский, 1922, с. 24].

Производственная деятельность союзов в это время была связана преимущественно с выполнением заказов от различных государственных структур при условии предоставления всех необходимых для работы материалов [Лябин, 1922, с. 26]. Однако первые крупные договоры, которые удалось заключить губкустпромсоюзу с губернским продовольственным комитетом, Всероссийским кооперативным лесным союзом, губернской военнотехнической дистанцией, не были реализованы. Можно выделить несколько причин такой неудачи. Во-первых, установленные договорами твердые цены были выгодны мастерам лишь на момент предоставления заказов, но с течением времени быстро теряли свою актуальность из-за инфляции. Во-

вторых, заказчики не предоставляли требовавшиеся для работы материалы в должном объеме [Краткий ..., с. 461]. В-третьих, созданные союзы имели поначалу весьма рыхлую структуру. В нормальных условиях первичные кооперативы должны объединяться во вторичные, а последние — в третичные. На Тамбовщине наблюдался обратный процесс: образовавшийся губкустпромсоюз стал подстраивать под свои интересы уездные объединения, а эти последние — первичные кооперативы, которые за годы военного коммунизма привыкли к многочисленным льготам. Как отмечалось в документах, «произошло строительство кооперации сверху» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 166]. В результате центр не отражал интересы низов, а потому последние теряли в нем всякую заинтересованность. В-четвертых, аппарат союзов испытывал острую нужду в квалифицированных кадрах. В частности, не хватало инструкторов, которые должны были оказывать кооперативам техническую и организационную помощь [Покровский, 1922, с. 24].

В течение 1922 года производственный процесс в губкустпромсоюзе все же стал налаживаться. Было принято решение о создании собственной сырьевой базы. Для этого на кредиты Государственного банка (госбанка) и средства, полученные от торговых оборотов, началась закупка необходимых для мастеров материалов. Для дубильщиков и портных было заготовлено 30 000 овчин, для трикотажников и валяльщиков — 57 332 кг шерсти, для щеточников — 4 914 кг щетины и 16 381 кг конского волоса, для деревообделочников — 40 952 кг железа, а также 142 м³ досок и тесов — для деревообделочников. Были организованы экспедиции в Киргизскую АССР и Воронежскую губернию для закупки кож, шерсти, рог и копыт. Были приобретены лесные делянки для заготовки древесины [Краткий ..., с. 461—462].

Кроме того, принимались меры для улучшения качества производимой продукции. Губкустпромсоюзом была открыта кройно-пошивочная мастерская по шубному делу, а также произведено оборудование показательной механической столярной мастерской и мастерской изделий из жести [Щ., 1923, с. 89]. Кирсановским уездным союзом кустарно-промысловой кооперации (укустпромсоюзом) была организована показательная школа, где желающие могли обучиться гончарному делу. Более того, изготавливая в процессе обучения гончарные изделия, воспитанники школы получали за свою работу паек и 1 000 руб. В день на человека [2-й ..., с. VI]. А Козловский укустпромсоюз организовал собственную валяльную мастерскую [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37].

К началу 1923 года работа губкустпромсоюза стала постепенно налаживаться. За предшествующий год союзу удалось изготовить по разным заказам около 25 000 овчин, 500 полушубков и тулупов, 7 000 штук трикотажных изделий. Его баланс доходил до 1 500 000 руб., а прибыль со-

ставила 600 000 руб. [Щ., 1923, с. 89]. Однако вместе с первыми успехами начался и закат союза.

3.3. Кризис кооперативной системы

В течение второй половины 1922 — начала 1923 года 6 укустпромсоюзов, состоявших в губкустпромсоюзе, были преобразованы в смешанные союзы и вошли в состав губернского союза сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации (губсельскосоюза). Еще 5 укустпромсоюзов вышли из состава Тамбовской губернии вместе с уездами, в которых они находились. Остатки губкустпромсоюза к 1 апреля 1923 года были преобразованы в Тамбовский районный союз кустарно-промысловой кооперации (райкустпромсоюз), получивший в наследство начальные средства на сумму в 2 990 руб. 80 коп. Причем 36 % из этой суммы приходилось на имущество и инвентарь союза, а 64 % — на товары, которые, как утверждалось, не поддавались реализации и просто лежали на складе. А потому оказалось, что Тамбовский райкустпромсоюз, подобно своему предшественнику — губкустпромсоюзу — на момент своего создания испытывал серьезные финансовые трудности [ГАСПИТО, ф. П–840, оп. 1, д. 2340, л. 172].

Первый кредит в размере 1 500 руб. для производственных нужд был открыт райкустпромсоюзу госбанком 20 июня 1923 года. Из этой суммы 500 руб. имели вексельный характер. 300 руб. были потрачены на закупку овчин и 200 руб. — на погашение задолженностей, полученных от ликвидированных союзов. Еще 1 000 руб. должна была быть предоставлена райкустпромсоюзу под залог товаров. Но у него не нашлось изделий в таком количестве, которое бы в полной мере удовлетворило требование кредитора. Лишь рассказовский кооператив вязальщиков, входивший в союз, смог предоставить товар в залог на сумму в 426 руб. Соответственно, все полученные средства кооператив использовал для своих нужд, не считаясь с потребностями союза [Там же, л. 172—173].

В следующий раз райкустпромсоюзу удалось получить кредиты только под участие в Нижегородской ярмарке, проходившей в августе–сентябре 1923 года [Там же, л. 55]. 5 000 руб. были предоставлены госбанком и еще 500 руб. — Всероссийским кооперативным банком. Предполагалось потратить эти денежные средства на закупку сырья. Однако оказалось, что оно стоит в несколько раз дороже, чем на Тамбовщине, ввиду чего было принято решение приобрести фабрично-заводскую продукцию с целью в дальнейшем перепродать ее дороже. Начавшееся уже в конце ярмарки снижение товарных цен поставило союз в тяжелое положение. Пришлось реализовывать продукцию себе в убыток, а часть так и осталась лежать на складе [Там же, л. 173].

Стараясь стабилизировать свое финансовое положение, райкустпромсоюз организовал в августе 1923 года оптово-розничный магазин в Рас-

сказово, а в ноябре того же года — в Тамбове. Но прибыль, которую давали магазины, была незначительной — около 4,5 % от реализованного товара. Виной тому — общее снижение цен, о котором уже упоминалось выше. И если первоначально союз мог самостоятельно распоряжаться полученной выручкой, покрывая с ее помощью наиболее неотложные обязательства, то последовавшие 9—17 июня 1924 года постановления местного отделения госбанка обязали все полученные средства употреблять исключительно на погашение предшествовавших задолжностей [Там же, л. 169—171].

В это же время союз пытался наладить собственное производство. Основные силы были направлены на развитие овчинно-пошивочного дела. Для переработки было закуплено 19 000 овчин. 10 000 штук приобретено за счет ссуды госбанка и еще 9 000 за свои средства. Кроме этого, 10 080 овчин было получено от губсельскосоюза [Там же, л. 169, 173]. Впоследствии члены специальной Комиссии, занимавшейся ревизией состояния союза, критически отнесутся к такому решению: «Неправильно и ошибочно союзом было все внимание и все средства употреблено на овчинно-пошивочное дело, требовавшего значительное время для своего производства и долгосрочного кредита, какого союз ни откуда в своем распоряжении не имел» [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 992, л. 3 об.]. Ситуацию усугубили запоздалое получение ссуды и длительность производственного процесса. В результате многие изделия были готовы только к весне, когда спрос на них сильно упал, а потому реализовать их по выгодной цене не получалось. В дальнейшем союз был вынужден брать новые кредиты только для погашения предшествующих долгов [ГАСПИТО, ф. П–840, оп. 1, д. 2340, л. 174].

С 1 апреля 1923 года по 1 января 1924 года кооперативами, входившими в райкустпромсоюз, было выделано 32 413 овчин, а также пошито 2 164 тулупов и полушубков. Были налажены канатно-веревочное и жестяночное производства, но контрольных данных нет. Кроме того, члены союза организовали собственные мастерские. С 1 января по 1 июля 1924 года было изготовлено 4 034 овчин, 1 000 полушубков рабочего образца, 102 полушубка крестьянского образца, 4 тулупа из овчин заказчиков, 500 полушубков военного образца, 100 пар валенок, 1 000 бараньих кож, 300 пар рукавиц, 788 пар обуви, 505 шапок, 2 545 товаров из жести. Велись мелкие работы по трикотажному, портняжному и деревообделочным производствам [Там же, л. 169—170].

Ревизионная комиссия разделила все изготовленные изделия на три группы: 1) дорогие, сезонный спрос на которые прошел; 2) средней ценовой категории, требующие значительного периода для сбыта; 3) такие, реализация которых маловероятна. Кроме этого, отмечалось, что в бухгалтерских документах союза эти изделия оцениваются на 25 % дороже их рыночной

стоимости. С учетом многочисленных долгов союза решение о его ликвидации выглядит вполне уместным [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 992, л. 4—4 об.].

3.4. Работа кустарей в смешанных союзах

После ликвидации райкустпромсоюза в губернии больше не осталось специализированных кустарных союзов. А потому дальнейшую историю существования промысловых объединений необходимо рассматривать в рамках деятельности смешанных союзов сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации, которым с трудом удавалось справляться со всеми своими обязательствами.

Ревизионная комиссия, изучившая в июле 1923 года состояние дел в Кирсановском смешанном союзе, выявила множество нарушений как в уставе союза, так и в уставах первичных кооперативов. Оказалось, что правление союза не имеет в своем распоряжении уставов всех действовавших в его составе кооперативов, а кроме того, оно не располагает данными ни о социальном составе, ни о специфике деятельности своих подопечных. Редко (бывало, что раз в месяц) проходили собрания членов правления, а копии протоколов заседаний не предоставлялись губсельскосоюзу. За период с конца 1922 года по начало 1923 года из 6 членов правления 2 попали под арест, 2 были отстранены, 1 удалился по собственному желанию, 1 перешел на службу в Борисоглебск. Единственным членом правления, который сохранил свою должность, был Д. Г. Цыпкин, заведовавший вопросами строительства кустарной и кредитной коопераций. Слабой была деятельность инструкторов, которые почти не выезжали на места. По финансовой части комиссия вынесла 20 замечаний, половина из которых была связана с хищением имущества и денежных средств союза. На момент ревизии в союзе из 74 кооперативов только 3 являлись кустарными. Неудивительно, что при вышеобозначенных обстоятельствах они владели жалкое существование без плана работы и нагрузки [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1943, л. 17—21, 26—28].

Поскольку на момент своего учреждения Борисоглебский смешанный союз не имел средств к существованию, его правление в течение 1922—1923 годов было больше всего озабочено финансовыми вопросами. Первые успехи в работе были перечеркнуты неудачей Нижегородской ярмарки: покупка дорогих товаров в кредит и трудности их дальнейшей реализации в связи с общим снижением цен. Вероятно, именно этот факт стал причиной изменения состава правления союза. Из 5 человек нового правления, избранного 10 марта 1924 года, трое были коммунистами. Однако их политические взгляды не подкреплялись профессионализмом: стаж работы этих людей в кооперативной среде составлял всего 2—3 года [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 55—56]. К августу 1923 года в составе союза действовал только 1 промысловый кооператив булочников-кондитеров.

В это же время на регистрацию своих уставов подали заявки два кооператива: 1) по ремонту сельскохозяйственных орудий труда и 2) колбасников. Причем последний имел характер скорее торгового предприятия [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 27].

В «Докладной записке о состоянии Козловского кредсельсоюза» также упоминалось о тяжелом положении и бюджетных убытках в 1924 году на 95 000 руб. вследствие «кризиса на товарном рынке осенью 1923 года, снижения цен на промтовары, денежной реформы 1924 года и принудительного ассортимента неходовых товаров» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 3322, л. 5]. Но при этом состояние промысловых кооперативов в этом союзе было несколько лучше, чем в двух вышеобозначенных. В его состав входило 6 кооперативов деревообделочников, 3 — овчинников, 1 — вальщиков, 1 — кожевников, 1 — гончаров, 1 — кожевников. Производили «телеги, сани, сохи, деревянные и железные бороны, горшки, овчины, валенки, потники и т. д.». Выполняли главным образом заказы местных кооперативных организаций или частных лиц [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 20].

В наследство от укустпромсоюза Моршанский смешанный союз принял задолженность в 4 638 руб., множество бракованных изделий, качественные материалы, большей частью заложенные в госбанке, 32 кооператива, из которых действующими были признаны только 24. Впрочем, капитал, полученный от усельскосоюза, также не вызывал оптимизма [ГАСПИТО, ф. 997, оп. 1, д. 867, л. 6]. Первоначальные успехи по реализации поступавших госзаказов способствовали привлечению необходимых для существования союза средств. В конце 1922 — начале 1923 года 12 000 руб. прибыли было получено в результате заготовления яблок, 13 000 — рыбы и еще 52 000 — мануфактуры. Однако уже в скором времени положение дел было омрачено неудачами в связи с повторной заготовкой рыбы, из-за чего союз получил убыток в 74 000 руб. [Там же, л. 15]. Из всех обозначенных договоров для нас интересен тот, который был связан с заготовкой 327 614 кг яблок, поскольку он дал работу деревообделочным кооперативам, производившим тару. Кроме этого мастера занимались выработкой шерсти, кадушек, топоров и рам из материалов, полученных союзом в кредит [Там же, л. 4, 6]. Объективные кризисные явления 1923 года, обусловленные снижением цен на товары, приобретенные в кредит, вкупе с субъективными нарушениями, связанными, в частности, с неудовлетворительным ведением бухгалтерской отчетности, привели к изменению состава правления 22 июля [ГАСПИТО, ф. 997, оп. 1, д. 938, л. 64, 72 об.]. Положение промысловых кооперативов стало в этот момент критичным. Их осталось 2: колесников-санников и тележников-санников [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 21].

Вероятно, кризис 1923 года отразился также на Липецком и Лебедянском смешанных союзах, но современников больше волновало их слияние в 1924 году, поскольку именно этот вопрос в подавляющем большинстве случаев поднимался на собраниях партийных и кооперативных органов. Липецкий союз в 1923 году объединял 2 кооператива овчинников, 2 — тележников, 1 — вальщиков, 1 — санников, 1 — по обжигу извести, 1 — веревочников, 1 — дужников. Лебедянский объединял три товарищества женского труда [Там же, л. 29—30]. После вхождения Лебедянского уезда в состав Липецкого в 1924 году Липецкий союз был ликвидирован, а входившие в него кооперативы поглотил Лебедянский союз. Промысловых кооперативов по состоянию на 1 октября 1924 года в нем было по-прежнему 12 (именно такая цифра и должна была получиться при сложении числа кооперативов двух союзов в 1923 году), однако число участников стало заметно ниже: 147 человек против 213 в предшествующем году [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 3322, л. 38]. Ключевой вопрос был связан с долгами упраздненного Липецкого союза, поскольку кредиторы пытались взыскать их с Лебедянского союза и не выдавали новые ссуды. По итогу совещания при губкоме РКП(б) было принято решение, что Лебедянский союз не является правопреемником Липецкого, а потому не отвечает по его долгам [Там же, д. 2667, 5, 8, 8 об.].

4. Заключение = Conclusions

Переход к нэпу кардинально изменил условия труда мелких товаропроизводителей, объединившихся для совместной работы. Промысловая кооперация освободилась из тисков потребительской и начала автономную деятельность. Новые промысловые союзы стали формироваться на базе ранее функционировавших укустпромсекций. Сложилась ситуация, когда вторичные и третичные кооперативы начали подстраивать под свои интересы первичные объединения. Ранее такая организация была приемлема, поскольку мастера через кооперативы получали гарантированные заказы. Однако окончание гражданской войны снизило число государственных заданий, слабая финансовая база образовавшихся союзов не позволяла развернуть производственную деятельность в должном объеме, а восстанавливавшаяся рыночная экономика требовала самостоятельности, к которой никто не привык. В поисках средств к существованию многие союзы переориентировались на торговую деятельность, занимаясь производством преимущественно под заказ. Последовавшие изменения в административно-территориальном устройстве губернии, ошибочные действия членов правления союзов и кризис 1923 года подорвали благосостояние кооперативов. Вместе с тем исчезло множество изначально недееспособных объединений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П–840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б). О. 1. Д. 1943, 2340, 2667 ; 3322 ; Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 992 ; Ф. 997 (Моршанский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 867, 938.
2. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. Р–727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 1042, 1610, 2257, 2268, 2834, 3325, 3499.
3. Е. В. Кустарная кооперация в 1922 году / В. Е. // Кооператор. — 1923. — № 3. — С. 23—24.
4. *Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год*. — Без места и года. — 553 с.
5. *Лябин Н.* Производственная работа губкустпромсоюза (обзор деятельности) / Н. Лябин // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 25—27.
6. *Отчет Президиума Тамбовского ГСНХ к 4-му губернскому съезду совнархозов и 5-му губернскому съезду профсоюзов*. (За первое полугодие 1921 года). — Тамбов : Государственное издательство. Тамбовское отделение, 1921. — 38 с.
7. *2-й отчет Кирсановского уездного экономического совещания Тамбовской губернии*. На 1-е октября 1921 года. — Без места и года. — 49 с.
8. *Покровский Б.* Кустарно-промысловая кооперация в Тамбовской губернии / Б. Покровский // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 23—25.
9. *Щ. Н.* История Тамбовского губкустпромсоюза и его деятельность / Н. Щ. // Кооператор. — 1923. — № 11. — С. 88—89.

Литература

1. *Архипов В. А.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — Москва : Мысль, 1978. — 263 с.
2. *Бородулина Е. В.* Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.
3. *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.
4. *Василевский П. И.* Очерки кустарной промышленности СССР / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. — 293 с.
5. *Вязова О. Г.* Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 6. — С. 27—34.
6. *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-91419-488-5.
7. *Елютин О. Н.* Кооперация в России — невостребованный опыт / О. Н. Елютин // Вестник Московского университета. Серия 8, История. — 1998. — № 5. — С. 30—53.

8. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.

9. Махрачев Г. С. Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 427—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444.

10. Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929 гг.) / А. А. Панарин // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021. — № 4. — С. 77—83. — DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9.

11. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всекомпромсоюз ; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.

12. Файн Л. Е. Отечественная кооперация : исторический опыт / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. — 275 с. — ISBN 5-230-02245-0.

13. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.

14. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. — Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра Российской академии наук ; Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-93424-385-3.

15. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет / П. И. Яковлев. — Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1957. — 51 с.

*Статья поступила в редакцию 18.11.2024,
одобрена после рецензирования 24.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.*

Material resources

A brief overview of the activities of the GIK and its Presidium for the 1921—22 reporting year. "Without a place or a year". 553 p. (In Russ.).

E. V. (1923). Artisanal cooperation in 1922. *Cooperator*, 3: 23—24. (In Russ.).

GASPITO — *The State Archive of the socio-political History of the Tambov region. (In Russ.).*
GATO — *State Archive of the Tambov region. F. R-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies). (In Russ.).*

Lyabin, N. (1922). Production work of gubkustpromsoyuz (review of activities). *Cooperator*, 1: 25—27. (In Russ.).

Pokrovsky, B. (1922). Handicraft and industrial cooperation in the Tambov province. *Cooperator*, 1: 23—25. (In Russ.).

Report of the Presidium of the Tambov State Agricultural Academy to the 4th Provincial Congress of the Council of National Farms and the 5th Provincial Congress of Trade Unions. (For the first half of 1921). (1921). Tambov: State Publishing House. Tambov branch. 38 p. (In Russ.).

2nd report of the Kirsanovsky District Economic Conference of the Tambov province. On October 1, 1921. Without a place or a year: 49 p. (In Russ.).

S. N. (1923). The history of the Tambov gubkustprom union and its activities. *Cooperator*, 11: 88—89. (In Russ.).

References

- Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *The struggle against capitalist elements in industry and trade. 20s — early 30s*. Moscow: Mysl Publ. 263 p. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2018). The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyi dialog*, 3: 116—135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135> (In Russ.).
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for small industry cooperation*. Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).
- Davydov A. Y. (2011). *Cooperators of the Soviet city during the NEP years. Between "war communism" and Socialist reconstruction*. St. Petersburg: Aleteya. 216 p. ISBN 978-5-91419-488-5. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). *Domestic cooperation: historical experience*. Ivanovo: Ivanovo State University. 275 p. ISBN 5-230-02245-0. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production. In: *Historical significance of NEP: collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Makhrachev, G. S. (2024). Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 427—444. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444> (In Russ.).
- Panarin, A. A. (2021). Artisanal and commercial cooperation of the North Caucasus in the context of the new economic policy (1921—1929). *Humanitarian and legal studies*, 4: 77—83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, P. I. (1930). *Essays on the handicraft industry of the USSR*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Vyazova, O. G. (2006). Cooperation of handicrafts in Chuvashia during the years of the new economic policy. *Bulletin of the Chuvash University*, 6: 27—34. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2008). *Handicraft and commercial cooperation of the Volga region in the context of the implementation of the new economic policy*. Samara; Penza: Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 335 p. ISBN 978-5-93424-385-3. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All—Union Cooperative United Publishing House. 51 p. (In Russ.).
- Yelyutin, O. N. (1998). Cooperation in Russia — unclaimed experience. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8, The Story*, 5: 30—53. (In Russ.).

*The article was submitted 18.11.2024;
approved after reviewing 24.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*